

Игорь Пэ

МОРЕ

Игорь Пэ Море

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27097441
ISBN 9785448587917*

Аннотация

Мудрые люди говорят, что жизнь – лучший сценарист, и иной раз невозможно придумать то, что порой случается на самом деле. Поэтому все эти истории могли произойти, или произошли, или ещё произойдут. А море... оно будет всегда. Такое же глубокое и непостижимое, как наша жизнь.

Содержание

Борода	5
Встреча	30
Море	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Море

Игорь Пэ

Фотограф Игорь Владимирович Попов

© Игорь Пэ, 2017

© Игорь Владимирович Попов, фотографии, 2017

ISBN 978-5-4485-8791-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Борода

*«C'est une histoire qui a pour lieu Paris la belle...»
Notre Dame de Paris, un spectacle musical.¹*

Когда мне становится плохо, я отращиваю бороду и очень хочу в Париж.

Почему в Париж, это, наверное, в той или иной степени понятно. Париж – столица мира, столица Франции, страны, оказывающей на меня магическое и завораживающее действие. Да и сам город привлекает несказанно своими каштановыми бульварами, узенькими кривыми улочками с расположившимися прямо на тротуарах маленькими кафе, где так приятно после многочасовых прогулок по старому городу выпить бокал всем известного французского вина или чашечку не менее известного крепкого кофе. Поэтому, всё-таки, неудивительно, что, когда мне становится плохо, я хочу в Париж.

Но борода. Странно, конечно, звучит. И тем не менее. И даже сам не знаю почему. Просто однажды, когда мне стало очень плохо, в голову пришла мысль отрастить бороду. Даже помню, как это было. Я приехал на работу, заглушил двигатель автомобиля, откинулся на сиденье и... подумал, что

¹ «Эта история случилась в прекрасном городе Париже...» Собор Парижской Богоматери, музыкальный спектакль. (фр.)

если я отпущу бороду, мне точно полегчает. Через неделю борода более-менее наметилась, а мне стало действительно лучше. Я носил эту бороду ещё очень долго, с месяц, хотя, честно говоря, она мне не очень нравилась. То есть нравилась, но не очень. Все вокруг говорили, что борода мне идёт, а мне казалось по-разному. Один день я оставался в восторге от своей бороды, на другой она мне не нравилась, и я порывался от неё избавиться. Но я был так благодарен моей бороде за пришедшее облегчение моих мучений, что рука не поднималась сбрить её. Так и ходил. В бороде. Потом, правда, сбрил, когда потеплело, и в ней стало жарко. Но с тех пор я знал, что у меня есть замечательное средство против моего «когда становится плохо» – борода.

Короче, мне было плохо. Я ехал на работу, стоя в пробке и... и мне было плохо. Когда я проснулся, мне было плохо, когда позавтракал – стало лучше, а потом я вышел на улицу, и мне стало как-то очень плохо.

Всю ночь шёл снег. Много снега. Снег засыпал всё – деревья, дома, машины, засыпал подвернувшихся ему под горячую руку людей. И всё падал, падал, падал, а я сидел дома и грустил. Потому что мне было плохо. Я сидел у окна, смотрел на снег и жутко хотел в Париж.

А на следующий день, в пятницу, я вышел утром на улицу и увидел московскую началомарттовскую оттепель. То есть такое время года, когда становится теплее, чем зимой, снег тает, превращаясь в непроходимую кашу, а там, где он ста-

ял, образуются лужи. Причём не просто лужи, а лужи-морья, или даже лужи-океаны. И при всём при этом небо закрыто низкими серыми тучами без малейшего солнечного просвета. Снега мне на машину намело за ночь целую гору, а подтаяв, он слежался и покрылся ледяной корочкой. Я вздохнул, сетуя на ещё одну неприятность, и начал очищать машину от снега. Работа не спорилась. Делать ничего не хотелось. Кое-как счистив сугроб, да и то не везде – снег остался на крыше и багажнике, я сел в свою давно не мытую машину, которая за зиму запачкалась и внутри, и снаружи. Заезжать на мойку я не видел смысла, потому что усилия мойщиков превращались в ничто через пять минут, а не заезжая на мойку я не мог прибраться и внутри.

Я выехал на грязной машине на грязную же дорогу. Пробылся на магистраль и встал в пробку. Обычную утреннюю пробку, которой именно сегодня почему-то не виделось ни конца, ни края. Грязное небо давило сверху, а соседи по потоку смотрелись в таких же как у меня грязных автомобилях хмуρο и устало.

Радио бубнило просто для фона – слушать его не хотелось, а хотелось в Париж. В Париж, где, как мне казалось, всегда сияет солнце на голубом небе, и всегда весна, а люди улыбаются друг другу и сами себе.

Мой подбородок при повороте головы цеплялся за шарф – я не брился с понедельника, и на лице заметна была почти недельная щетина. Я улыбнулся. Впервые с начала «мо-

его плохо» улыбнулся, подумав, что борода-то начинает работать. Но очередной рывок до впереди стоящей машины, яркие красные огни в глаза, ветровое стекло с размазанной по нему грязью и мерзкая морось с серого неба вернули меня в прежнее состояние.

Пробка тянулась, и незаметно для себя я погрузился в размышления. Что же случилось? Почему плохо-то? Ведь плохо бывает... бывает, когда, например, уходит любимая девушка. Плохо? Плохо. И даже если вида не показываешь, всё равно плохо. Но, по крайней мере, есть причина. Плохо бывает, когда поссорился с лучшим другом. Из-за ерунды какой-нибудь, но вы наговорили друг другу кучу неприятного. И хотя знаешь, что лучший друг он на то и лучший, что даже после ссоры вы помиритесь, но сейчас плохо, а ещё жутко стыдно. Плохо может быть, если на работе ничего не получается. Ты занимаешься любимым делом, стараешься сильно, а всё равно ничего не получается. И тогда начинаешь думать, что ты не способен к этому делу. Любимому делу, которым мечтал заниматься всю жизнь. А вот теперь ничего не получается. И вроде начальник не ругается, и все вокруг помогают, а тебе плохо от недовольства собой и какого-то разочарования в себе. Да ещё много из-за чего может быть плохо. Но в любом случае есть причина. А у моего нынешнего «плохо» её не было. То есть она, может, и была, но я не мог её найти. И мне было плохо без причины, и от этого делалось ещё хуже.

Единственное, что я понимал – мне стало беспокойно. Но

не то, чтобы я волновался или переживал из-за кого-то или чего-то. Нет, просто у меня пропал покой. Я просыпался утром, и у меня начинало сосать под ложечкой, такое неприятное чувство, будто щекотно где-то внутри в животе. А ещё я каждый момент ждал какой-то неприятности. Не понимал какой, но твёрдо и уверенно ждал. А она всё не случалась, эта неприятность. Может быть, если бы она произошла со мной, стало бы легче. Но жизнь текла мирно, а покой не возвращался.

У меня не было ни одной стоящей причины для беспокойства. От меня не уходила девушка, у меня её просто не было. Я не ссорился с лучшим другом, мы вообще никогда не ссорились и всегда отлично понимали друг друга. У меня всё получалось на работе, причём на любимой работе, я занимался проектированием зданий и мечтал об этом с детства, собирая из кубиков игрушечные дома. И никакой другой стоящей причины для «плохо» тоже не было.

Сначала я думал, что беспокойство пройдёт, мало ли что случается. Через пару дней покоя не наступило. Я покопался в себе и решил, что у меня всё хорошо, то есть причин для отсутствия покоя нет. Проведал родителей, позвонил друзьям и понял, что за близких тоже волноваться не стоит. И тогда началась настоящая тоска. Не помогало ничего, ни кино, ни чтение любимых книг, только на работе я немного отвлекался. А ещё через пару дней я уже хотел побывать в Париже и начал отращивать бороду.

Это случилось на прошлой неделе. А сегодня была уже пятница следующей. Я по-прежнему стоял в пробке, но начинал уже думать, что в пятницу обязательно надо развеяться. Всю неделю я занимал время по большей степени работой, а вечерами, пытаясь отвлечься, наводил порядок в своей маленькой квартирке, баловал себя приготовлением ужинов и прочими безделицами. А сегодня решил, что стоит развеяться и отвлечься от беспокойства. Я уже предвкушал, как немного погодя, ближе к обеду, позвоню Вовке, мы встретимся вечером где-нибудь в хорошем месте, пообщаемся, обязательно выпьем, хотя бы немножко, а если будет желание, то и побольше. Редко когда, встречаясь с Вовкой, этого желания не возникало. Обычно сначала мы культурно выпивали по кружечке пива или по пятьдесят водочки, потом культурно закусывали, после заказывали ещё выпить, выпивали, ещё чуточку закусывали. А потом Вовка смотрел на меня, мы встречались взглядами, и он показывал на пустые стопочки или пустые пивные кружки, поднимал перед собой два пальца и вопросительно смотрел на меня. Я утвердительно кивал, и Вовка звал официантку и делал заказ.

Постепенно мы расслаблялись, пустой посуды на столе становилось больше. Мы выпивали много, но исключительно столько, чтобы было хорошо. То есть мы, конечно, были уже пьяные, но только до такой степени, чтобы расслабиться и отвлечься. Нас начинало «вертолётить», но мы твёрдо стояли на ногах. Вовка исключительно тонко чувствовал эту

грань, причём не только свою, но и мою. А дальше наши посылки нередко присоединялись к соседям по заведению, и мы, придя вдвоём, проводили вечер в весёлой и шумной компании.

Ночью мы разъезжались по домам, причём частенько нас забирала Таня, Вовкина жена. Она почему-то никогда не сердилась на мужа за подобные гулянки, если он выпивал вместе со мной. Она приезжала к ресторану, мы выходили пьяные и весёлые и начинали соревноваться в галантности к Тане, а она называла нас непроходимыми балбесами, жуткими алкоголиками и ещё как-нибудь, при этом улыбаясь и смеясь. Мы обижались, что веселило её ещё больше, но уже через минуту, забыв про обиду, садились в машину. Таня отвозила сначала меня, а потом они ехали домой.

На следующее утро Вовка звонил и каждый раз говорил одно и то же: «Переборщили мы вчера, да?». Я соглашался. Мы зарекались так больше не делать, разговаривали ещё немножко и прощались.

Точно, надо позвонить Вовке. Он всегда откликался на такие предложения. Просто необходимо пообщаться с кем-нибудь близким, может быть это как-то поможет. А ещё, всё-таки, очень нужно выпить, не напиться, от этого легче точно не станет, а именно выпить так, как это я мог сделать только с Вовкой.

Занятый мыслями я постепенно добрался до работы. Легче от раздумий не стало. По-прежнему где-то в глубине си-

дела червоточинка, слегка зудящая и ноющая. Поставив машину на обычное место на стоянке, я выключил мотор. На улице по-прежнему моросило что-то среднее между снегом и дождём, под ногами чавкала жуткая каша изо льда, реагентов и уже откуда-то взявшейся грязи. Вылезать из тёплого, хоть и грязного, но ставшего за час с лишним дороги таким уютным, салона и окунаться в московскую непогоду не хотелось. И я опять подумал о Париже. Что же делать, если эти мысли становились чуть ли не единственным лекарством от навалившейся тоски и беспокойства.

На самом деле, я ни разу не был в Париже. Я всегда только хотел туда. Но хотел отчётливо и очень сильно. Каждый год во время отпуска я порывался в город моей мечты, однако постоянно что-то мешало или останавливало. Иногда мне казалось, что стоит только попасть туда, и вся его исцеляющая сила куда-то исчезнет. Когда я побываю в Париже, исчезнет его очарование недосыгаемости, и он превратится просто ещё в одно место, не оправдавшее в какой-то степени возложенных на него ожиданий. Я боялся, что всё нафантазированное мной об этом городе окажется неправдой. Нет, даже не неправдой, а просто не таким, как представлял себе я.

А нафантазировал я много. Прежде всего, я должен был попасть в Париж непременно весной, когда на деревьях начинают распускаться молодые листочки, шевелимые налетающим уже по-весеннему тёплым лёгким ветерком, а с голу-

бого безоблачного неба сияет весёлое солнышко. Город должен как бы уже проснуться после зимы. Я понятия не имею, какая в Париже зима, идёт ли там снег, бывают ли там морозы, но я точно был уверен, что там нет грязной слякоти под ногами, мерзкой мороси и серого непроглядного неба. Короче, стояла замечательная весна, а я гулял бы по чудесному городу.

Ещё я должен был попасть в Париж не по путёвке. Я самостоятельно получил бы визу во Францию, купил бы билет на самолёт, забронировал гостиницу где-нибудь в центре города. Я хотел прилететь в аэропорт Шарль-де-Голль, где никто не должен меня встречать, взять такси и попросить водителя по-французски отвести меня в выбранный отель. А там в холле, я бы подошёл к стойке, за которой меня встречала бы непременно француженка, конечно, молодая и красивая, и сказал: «*Bonjour, mademoiselle! J'ai réservé une chambre, s'il vous plaît!*²». А она бы очень мило улыбнулась и ответила: «*Bonjour, monsieur! Nous vous attendons*³». Меня проводили бы в номер, не шикарный, но и не самый дешёвый, и исключительно французский. Там стояла бы большая кровать, непременно старинная, и много зеркал. А окна бы выходили во внутренний двор гостиницы, и сквозь них я видел бы немного заросший сад, но заросший как надо, заросший исключительно по-французски, как будто, так и должен выгля-

² «Здравствуйте, мадмуазель! Для меня заказан номер, будьте добры!» (фр.)

³ «Здравствуйте, мсье! Мы Вас ждём!» (фр.)

деть любой сад, и стены соседних домов, непременно увитые плющом.

Я бы надел свои самые любимые вещи и непременно шарф. Шарф должен быть накинут на плечи как-то очень небрежно, чтобы чувствовалось, что повязывали его второпях, но в то же время закручен каким-нибудь хитрым и невероятным красивым узлом. А в руки я обязательно взял бы зонт, такой длинный зонт-трость с витой ручкой, и непременно клетчатый.

И конечно, я бы не пользовался услугами экскурсовода, и точно не пошёл бы в известные туристические места. Я ни за что не стал бы стоять очередь в Лувр, чтобы посмотреть на Джоконду, я не поднялся бы на Эйфелеву башню, а на Собор Парижской Богоматери я посмотрел бы издалека с набережных, даже не заходя на Остров. Но я точно побывал бы на Монмартре, дабы увидеть расположившихся на тротуарах художников, прогулялся бы по набережным Сены, купив у букинистов старенький томик французских поэтов. И целый день бродил бы по стареньким узеньким улочкам центра города, периодически заходя в небольшие кафе, чтобы, выпив вина и отдохнув, вновь пойти гулять до следующего кабачка.

Я ходил бы по городу до позднего вечера, а вернувшись в гостиницу, лёг спать. На следующее утро, проснувшись не рано и не поздно, а так, как надо, я бы сбрил бороду. Потому что борода и Париж сделали своё дело – моё «плохо» куда-то пропало. Позавтракав кофе и круассанами, расплатившись

за гостиницу, я вновь взял бы такси в аэропорт и уже через несколько часов летел бы домой посвежевший, спокойный и безмятежный, в шарфе, завязанном будто небрежно, но очень красивым и сложным узлом.

Вот так я хотел в Париж. Мне бы хватило одного дня, проведённого в этом волшебном городе, чтобы оставить все неприятности. Поэтому, когда мне становится плохо, я отращиваю бороду и очень хочу в Париж.

Шлёпая ногами по лужам, по снегу, я преодолел путь от машины до дверей конторы. За время моего беспокойства я столько сил отдавал работе, чтобы как-то отвлечься, что теперь многое было сделано далеко вперёд. Я перевыполнил план, который наметил сам себе, поэтому никто меня не тревожил, я доделывал какие-то мелочи, поглядывая на часы и ожидая обеда. За обедом я намеревался позвонить Вовке.

Уже на подходе к столовой меня нагнала Катя.

– Костик, – Костик это я, – ты чего грустный такой?

Катя – воздушное создание, готовое прийти на выручку кому угодно, впечатлялась абсолютно всем. Если Катя слышала что-нибудь новое или важное, она распахивала на мир свои огромные васильковые глаза и восторженно смотрела на источник новости, словно забывая моргать. Казалось, в такие моменты она даже дыхание задерживала, не справляясь с нахлынувшими эмоциями. Но она готова была помочь всем возможным любому человеку. Мы с Катей замечательно общались.

– Да всё нормально, Катюш. Проголодался и устал просто.

– Тогда пошли обедать. Я буду тебя веселить и развлекать! – она схватила меня под руку и потащила к дверям столовой. – Нет, нет, нет! И даже не спорь! Мы идём обедать и поднимать тебе настроение! И обязательно съедим торт! Ты знал, что сладкое поднимает людям настроение?!

Жуткая балаболка, Катя вывалила на меня за обедом все новости нашего заведения, посетовала на погоду, сообщила, что мне идёт недельная борода, рассказала, что совсем скоро у неё отпуск, и они с женихом собираются отдыхать, но не решили ещё где, что отдых сейчас стал жутко дорогим, а они ещё и на свадьбу копят, и что это событие тоже не из дешёвых, а хочется всё по высшему разряду организовать, расстроилась, что к ней на свадьбу я приду один, без спутницы, но тут же успокоила, сказав, что там будет множество её одиноких подружек и с ними со всеми она меня перезнакомит, так что у меня нет повода для грусти и печали, и нечего сидеть с «поникшим хвостом и грустными ушами». Закончив длинный монолог и так и не доев торт, поднимающий людям настроение, Катя подмигнула мне, сообщила, что сегодня ещё куча дел, и упорхнула куда-то.

А я сидел и думал. Ведь у меня действительно не было поводов для «грустного хвоста и повешенных ушей» или наоборот, но, тем не менее, спокойнее не становилось, и «плохо» продолжало ухудшаться. Я достал телефон и начал набирать Вовке.

– Здорово, Костяныч! – бодрым голосом откликнулся друг на том конце провода.

– Привет!

– У-у-у-у! Слышу нотки невесёлые в голосе вашем, мой друг! Колись, что случилось!

– Чё-то как-то мне хреново, Вов. Сам не пойму из-за чего. Вроде нормально всё, а что-то гложет и тревожит. Своих всех обзвонил – всё в порядке, у самого ни повода, а вот... такая штука...

– Ты давай, дружище, заканчивай свои похоронные на строения! Давай-ка мы с тобой, братец Костик, завтра вечером встретимся и выпьем хорошенечко, а? Давно не виделись! Даже Татьяна, тут выдала, что-то, говорит, я вас с Костей давно не забирала из вертепа какого сатанинского! Ты представляешь, из вертепа?! Ха! Споить мужа хочет, точно тебе говорю!

Я прямо чувствовал, как Вовка улыбается в телефоне довольный своей женой, своей шуткой, да и собой родимым.

– А я тебе, Вовка, как раз и звоню по этому поводу, только хотел тебя позвать куда-нибудь сегодня...

– Сегодня не могу никак, мы с Танюхой к родителям собрались, у тещи день рождения. Сам понимаешь, – голос друга стал серьёзным и озабоченным, – Старик, совсем припекло, да?

– Ну...

– А давай, может, с нами? Родители против не будут, да

и Танька тебе обрадуется. Поехали, а? Развеешься хоть маленько.

– Не, Вовка, не поеду. Спасибо тебе, дружище. Танюшке привет передавай, но не поеду. Как-то это неправильно. Да и чего я поеду своей кислой физиономией людям праздник портить. Давай уж тогда завтра. Только, чтобы точно.

– Точнее не бывает, зуб даю! Даже вон Танюха только за! Ты там держись, Костик!

– Да, нормально, держусь!

– Ну, всё, тогда на связи! Ничего, прорвёмся!

– Ага, давай, счастливо!

Нажал отбой, убрал телефон в карман, положил голову на руку. Планы на вечер сорвались. Чего делать-то теперь? Одному куда-то идти не хотелось, да и видеть кого-то кроме самого близкого друга Вовки не хотелось тоже. Поеду домой ждать завтра. Выплюсь, куплю по дороге кино какое-нибудь хорошее. Вечер получался обычный для последнего времени без покоя, но не такой уж плохой, просто привычный какой-то что ли. «А ещё помою машину, назло погоде и всему на свете, – подумал я, – на выходных никуда не поеду, пусть постоит чистая».

Вторая половина рабочего дня прошла степенно и в общем-то незаметно, так же как и первая. Мелкие дела, незначительные перемолвки с коллегами. Я старался растянуть работу подольше, получилось плохо. Сидеть без дела смысла я не видел, и раньше обычного, прибравшись на столе, я надел

пальто, шарф, подхватил портфель и вышел на стоянку.

На улице подморозило. С неба не капало, лужи подёрнулись ледяной корочкой, изо рта шёл пар. Правда и машина замерзла, стёкла покрылись льдом, и на его оттаивание необходимо было время. Заведя мотор и отрегулировав потоки воздуха в салоне, я стал ходить вокруг машины. Потом остановился и оглянулся.

Начало шестого. Уже стемнело. На стоянке, расположенной в глубине квартала было тихо, сюда не доходил шум с магистрали. Морозный воздух будто звенел в этой тишине, стал прозрачным, как стекло. Казалось, его можно разбить неосторожным движением. В лучах света, падавших на землю от уличных фонарей, кружились одинокие снежинки. Ветер перестал. Похолодало значительно, но именно так, как нужно. Ежиться и прятаться в воротнике не хотелось, и мне было очень комфортно в любимом пальто. Всё было немножко заморожено и странно.

В кармане затрещало. Я достал телефон и взглянул на экранчик. Звонила Лена.

Лена – моя подруга. Подруга не в смысле девушки, настоящей или бывшей, с которой встречаешься для совместного сомнительно-приятного времяпрепровождения, и уж конечно не в смысле какого-нибудь «э, подруга!». Подруга от слова друг. То есть Лена – мой друг, но так как она девушка, по правилам русского языка выходит, что она подруга. Вот как-то так.

Мы познакомились года три-четыре назад. В самолёте. Я летел в командировку в Прагу, а Лена – туда же, но отдыхать. Мы разговорились, поболтали весь полёт, а потом уже в Праге пару раз встречались, гуляли по городу и опять постоянно разговаривали.

По возвращении в Москву мы продолжили общение, но встречались нечасто. Однако очень быстро подружились. С Леной очень здорово поговорить обо всём на свете. Она понимала меня с полуслова, я понимал её. Как-то незаметно мы выяснили друг о друге всё, переделались разными случавшимися жизненными ситуациями. Я мог позвонить ей в любое время и попросить совета, как испечь пирог или помириться с девушкой, а она могла узнать, какой посмотреть фильм или как вести себя с понравившимся парнем, и мы всегда откликались. Первый раз я так подружился с девушкой, именно подружился, потому что каких-то мыслей о возможном перерождении отношений не возникало ни у меня, ни у неё. А ещё впервые у меня был такой человек, ставший близким совершенно случайно. С Вовкой мы выросли вместе и просто не представляли, как может быть по-другому, с Леной мы встретились уже в сознательном взрослом возрасте, и, тем не менее, это не помешало сближению.

У нас не было общей компании, мы не проводили вместе много времени, мы не ходили друг к другу на праздники, мы не знакомились с родителями, а о наших половинках знали по рассказам друг друга. Чаще всего мы созванивались, ко-

гда кто-то первый чувствовал, что соскучился, и договаривались встретиться. Летом гуляли в парке, в дождь или зимой могли встретиться в кафе или приходили друг к другу домой, Лена тоже жила одна, поэтому периодически звонила и жаловалась на «этих непонятных мужиков», на что я парировал примерами женской логики. И всегда при наших встречах мы очень много говорили. Говорили обо всём на свете. Когда кого-то одного что-то тревожило, второй выслушивал и старался осторожно и деликатно что-нибудь посоветовать, и советы эти были невероятно ценны и правильны. Когда поводов для беспокойства не было, мы могли говорить обо всём взбредавшем в голову, начиная теорией сотворения вселенной и заканчивая доказательством влияния лунного света на рост фонарных столбов.

Я нажал приём и поднёс телефон к уху.

– Костик, привет!

– Привет, Лен!

– Как ты? Я подумала, давно мы не общались что-то. Вышла с работы, решила позвонить. Вот и звоню. Так как дела-то?

– Так себе, – моё настроение, немного было отступившее, вернулось.

– Что-то серьёзное?

– Ну, как тебе сказать, наверное, нет, потому что всё хорошо, вроде. Но что-то как-то и не хорошо. Беспокойно, и что самое паршивое, непонятно почему беспокойно.

– Ясно. Дома-то всё в порядке? – Лена спрашивала про родителей.

– Дома – да, у меня – видимо, нет.

– Та-а-ак... – короткая пауза, – ты там с бородой сидишь и хочешь в Париж? – голос подружки как-то потеплел.

– Не, не сижу уже, я закончил работать, так что отращаиваю бороду и хочу в Париж я уже на улице.

– Ясно-ясно, и чего ты с таким настроением делать намерен?

– А что делать... В Париж я сегодня уже не успею, с Вовкой встретиться тоже не получилось, так что домой собираюсь.

– Ага... Сейчас... Подожди минутку... – Лена явно о чём-то задумалась и ей нужна была минутка на размышления. Переложив телефон в другую руку, я сделал пару шагов возле машины, – Так, Константин, значит, я вышла с работы, сейчас туда-сюда и часика через три давай подъезжай ко мне. Обсуждению не подлежит, так что я тебя жду.

– Ладно, через три часа буду, – обсуждать что-то я и не собирался. Остаться одному сегодня хотелось всё меньше и меньше, а увидеться с Ленкой – всё больше и больше.

Мы попрощались. На дорогу до Лены по вечерней Москве требовалось около полутора часов, и у меня оставалось ещё столько же свободного времени. Я погулял в парке недалеко от конторы, погружённый в свои невесёлые мысли, потом сел в машину и, благо она уже успела разморозиться за время

разговора по телефону, не спеша вырулил со стоянки.

В пятничный вечер город стоял. Я никуда не торопился и, автоматически нажимая на педали и поворачивая руль, погрузился в окружающую меня картину. Дым из выхлопных труб обволакивал автомобили, и казалось, что затор находился посередине большого облака. То тут, то там вспыхивали яркие красные огоньки стоп-сигналов, выглядевшие сквозь дым далёкими и размытыми. Они придавали общей картине, в целом обычной для вечера буднего дня в любом мегаполисе, какой-то нездешний, если не сказать фантастический вид. Опустившийся на город студёный воздух приморозил дороги, и в стекло уже не летела, размазываясь стеклоочистителями, мерзкая грязь. Если с неба прямо сейчас пошёл бы снег, а ещё лучше повалил бы огромными хлопьями, картина стала бы ещё нереальнее. Но снега не было, а в этом холодном бесснежном вечере всё равно чувствовалось что-то необычное. Время тянулось медленно и удивительно, как быстро сновали прохожие по тротуарам вдоль магистрали.

К Лене я немножко опоздал. Поставив машину, я прошёл к нужному подъезду и поднялся на шестой этаж. Позвонив, я отступил на шаг, услышав движение по ту сторону. Дверь открылась, и я увидел улыбающуюся Лену.

Она выглядела очень здорово. Тяжёлые каштановые волосы, обычно распущенные и свободно лежащие на плечах и спине, были подобраны и уложены каким-то хитрым способом. Плохо разбирающийся в особенностях женской при-

чёрски, я не понял, много ли потребовалось времени для её сооружения, но что для этого нужна была большая фантазия, сомнений не вызывало. Умеренный и сделанный с большим вкусом макияж, но это всегда отличало Лену. И это пресловутое маленькое чёрное платье, которое должно быть в гардеробе каждой женщины. Средней длины, без ярко выраженного декольте, абсолютно простое и лишённое малейшего декора, оно незаметно подчёркивало достоинства фигуры. Чёрные маленькие блестящие туфельки на ногах. Жемчужная нитка на шее и такие же серьги в ушах. Образ довершал едва уловимый аромат духов. Сладкий, но не приторный, он не бил в нос, а, словно шёлк, легко струясь по воздуху, щекотал обоняние, дразнил.

Пауза, видимо затянулась, но я, правда, никогда не видел подругу такой неотразимой. Нет, Лена очень симпатичная девушка, но в этот момент она собрала в себе неопишимо-поразительную смесь женственности, красоты, вкуса, стиля, лаконичности, обаяния и какого-то неуловимого огонька, выглядывавшего на мгновение из улыбающихся тёмных глаз.

– Ты меня сейчас в краску вгонишь! Ну, хватит! – она вплела в голос лёгкий оттенок кокетства и игривости.

– Ну, как хватит, дай полюбоваться на красоту такую!

– Да, заходи, налюбуйешься ещё за вечер, – томный образ пропал, и передо мной стояла обычная, такая же, как всегда, Лена, – Туфли, кстати, не снимай, разрушишь весь образ.

– А мы всё-таки идём куда-то? Или для меня такое великолепие?

– Для тебя, для тебя, а то для кого же?! Я же обещала тебя в чувство привести? Ты проходи, только в комнату сразу не заходи, подожди меня.

Пока Лена запирала дверь, я снял пальто и пристроил его на вешалке.

– Так, – Лена подняла на меня глаза, прищурившись, словно художник, смотрящий на полотно, выходящее из-под его кисти, – будем довершать образ.

Лёгким движением мне на плечи был наброшен шарф. Легко и быстро завязанный, он красивым необычным узлом лёг поверх пиджака, на удивление подойдя по цвету к костюму и рубашке. В руках у меня оказался зонт-трость тёмно-синего цвета. Всему этому непонятному перевоплощению я даже не успел удивиться, но образ, видимо, устроил Лену, так что она довольно хмыкнула, подмигнула и исчезла в комнате, попросив меня остаться на месте. Потом из-за закрытой двери раздались звуки разговора и музыка. Лена подошла ко мне, взяла под руку и потянула за собой.

В комнате на трёх небольших столиках горели свечи, разгоняя темноту и наполняя комнату волшебным светом. Это даже нельзя назвать полумраком, огня было достаточно, но дрожащее пламя свечей, превращало обычную комнату то ли в залу старинного замка, то ли в уютный кабинет дорогого ресторана. Второе, скорее, даже было ближе. Помимо

свечей поверх белых скатертей стояла посуда, лежали приборы, салфетки. Все столики отличались друг от друга, явно откуда-то принесённые, два из них в Лениной квартире я не видел никогда. Возле каждого стояли два стула. Большие и маленькие зеркала висели на стенах на своих обычных местах или стояли на полках и на полу.

Пел Шарль Азнавур. Его бархатный голос и неторопливые романтично-далёкие напевы невероятно подходили этой комнате, погружённой в мягкий дрожащий свет. Звук разговора, шёл из другого угла комнаты. Я расслышал отдельные слова и понял, что это специальный урок французского языка.

А из окна на меня смотрела далёкая Эйфелева башня – к уличной стороне стекла, во всю его ширь, был прикреплён плакат с её изображением, причём с плаката абсолютно естественно мерцали звёзды – уличный свет, пробивавшийся сквозь множество отверстий в бумаге.

Я стоял среди всего этого непонятного трогательно-волшебного действия. На лице недельная небритость, ещё не оформившаяся в бороду. На шее шарф, завязанный вроде бы небрежным, но сложным и до конца непонятным мне щеголеватым узлом. Зонт-трость с хитро изогнутой ручкой, перехваченный посередине и зажатый в кулаке. А под руку меня держит ослепительная женщина, не случайная, а очень близкая и дорогая.

Лена не мешала мне, просто стояла рядом, молчала и улы-

балась, а я медленно, словно пугаясь своей догадки, словно боясь спугнуть поднимавшееся во мне знание, пытался почувствовать эту атмосферу, я осязал этот момент и осознавал его уникальность и неповторимость. А потом понял.

Вырвавшись из грязно-снежной Москвы, убежав из-под низкого серого неба, оставив позади непонятные переживания и беспокойства, преодолев нескончаемые вечерние пробки, пролетев за мгновение тысячи километров и десятки границ, мы оказались в **весеннем вечернем Париже**.

Мы вошли в маленький семейный ресторанчик в центре города. Сейчас покажется хозяин заведения, проводит нас с Леной за столик и предложит красного французского вина на свой вкус, но это окажется именно такое вино, какое необходимо нынешним вечером. Он примет заказ, сделает моей спутнице тонкий красивый комплимент, какой умеют делать только французы, и исчезнет на время. А мы будем пить вино, любоваться через окно Эйфелевой башней, возвышающейся над городом, слушать замечательного французского шансонье, вперемешку с приглушённой речью других посетителей. И мерцающий свет свечей будет отражаться в глазах моего очень близкого человека, сидящего напротив и улыбающегося мне.

И главное, не понадобится мне больше борода. Моё «плохо», моё беспокойство и моя тоска пропадут, растворятся в уютно-тёплом и ароматно-волшебном воздухе этого фантастического города и этого неповторимого момента.

Я ткнул носом в Ленкин висок и совсем тихо, чтобы услышала только она, прошептал:

– Спа-си-бо...

– *S'il vous plaît, mon cher*⁴! Правда, это всё, что я знаю по-французски! – и рассмеялась очень легко и совершенно беззаботно. И главное, очень вовремя, именно в момент, когда это было необходимо. А со смехом исчез и Париж, и ресторанчик, и хозяин-француз, а мы опять стояли посреди комнаты в небольшой московской квартирке. Но мне уже было всё равно, потому что я побывал в Париже. И мне стало очень спокойно и легко.

А потом мы пили замечательное французское вино и ели изумительный ужин, приготовленный моей подругой, сидя друг напротив друга в центре комнаты. Вокруг нас было ещё два пустых столика, которые Лене одолжили соседи. Из окна нам улыбались звёзды, рассыпанные вокруг нарисованной Эйфелевой башни. Нам пели Шарль Азнавур и Эдит Piaф, потом, кажется, заиграл джаз, но что-то исключительно французское. А мы сидели и говорили, говорили, говорили. Говорили обо всём на свете, начиная от теории сотворения вселенной и заканчивая доказательством влияния лунного света на рост фонарных столбов. Мы придумывали всякую чушь и смеялись. Смеялись от всей души, радостно и беззаботно, до слёз. И не могли наговориться в этот чудесный, тёплый, уже почти совсем весенний и даже немного

⁴ «Пожалуйста, дорогой!» (фр.)

волшебный вечер.

На следующий день мы с Вовкой встретились в нашем любимом ресторанчике. Поздно ночью Татьяна забирала нас пьяных, но очень весёлых домой, называя беспробудными алкоголиками и непроходимыми балбесами. Мы обижались, но уже через минуту забывали об этом, громко хохотали на всю улицу и радостные садились в машину.

Я был чисто выбрит, и мне никуда не хотелось уезжать из Москвы.

2010

Встреча

Анна открыла глаза, полежала немного, моргая и приходя в себя, и встала с постели. Подойдя к окну, она отдернула шторы и распахнула балконную дверь. В комнату ворвалось жаркое солнце и звуки проснувшегося большого города. Гудели машины, звенели трамваи, откуда-то издалека доносились звуки стройки. Анна шагнула на балкон и, зажмурившись от удовольствия, улыбнулась солнцу.

После вчерашнего длинного дня, полного разговоров, советов, размышлений, прерываемых слезами и сигаретами под крепкий кофе, сегодня на душе стало спокойно. Анна приняла решение. Кто-то из них двоих должен был первым сделать это. Этим кто-то стал не Дима.

Дима проснулся, как всегда, быстро. Потянулся, пару раз махнул руками, сделал десяток приседаний и побежал в душ. За окном стояла тёплая осень, самое её начало. Солнце грело, а деревья ещё не начали желтеть. Настроение нового дня было под стать погоде – тёплое и какое-то уютное. Теперь Дима знал, что делать дальше.

Решение пришло само собой, не было длительных часов раздумий и сомнений в его правильности. Просто в одно утро Дима проснулся в полной уверенности, что следует поступить именно так. Он знал, что Анна ждала его решения,

не предпринимая попыток подтолкнуть его к чему-то, но он также понимал, что тянул с этим решением, тянул, может быть, слишком долго. Теперь Дима не сомневался, потому что на душе было спокойно и ясно.

Анна решила расстаться с Димой.

Дима собирался сделать Анне предложение.

Начало осени в Риме совершенно не отличалось от лета. В этом году во всей Европе стояла жуткая жара, не обошедшая стороной Италию. Римляне, в общем-то, привычные к чрезмерно тёплой погоде, изнывали, спасаясь только под кондиционерами. Самые разгорячённые купались в фонтанах. Дима рассказывал, что в России это совсем привычное дело. Есть даже какой-то непонятный праздник, когда здоровые мужчины прыгают в фонтаны, и никто не берётся их остановить. Название праздника было каким-то странным и не запомнилось.

С понедельника Анна взяла отпуск и теперь никуда не торопилась. Она стояла на балконе своей маленькой квартирки, находившейся в доме старой постройки почти в центре города. Балкон выходил на короткую, но широкую улочку, тем не менее, очень оживлённую. По ней бойко передвигались автомобили, мотороллеры и велосипедисты, разбавленные снующими между ними пешеходами. Всё это столпотво-

рение гудело, рычало, ворчало и говорило, создавая тот самый непередаваемый итальянский колорит.

Анна обожала свой балкон. Совсем маленький, с железной оградкой по периметру, он выходил на южную сторону дома, всегда подставленный палящим лучам жаркого итальянского солнца. Несмотря на небольшие размеры, Анна сумела разместить на нём плетёное креслице и столик, так что можно было расположиться здесь со всеми удобствами. Необходимую тень создавал навес, впрочем, легко убиравшийся. На оградке и стене в специальных подставках висели горшочки и корзинки с живыми цветами. Весёлые и разноцветные, большие и маленькие, они радовали взгляд и вносили нотки загородного уюта в чисто городской интерьер. Девушка могла провести целый день на своём балконе, перечитывая любимые книги или предаваясь размышлениям.

Сейчас она сидела в кресле с журналом на коленях и, задумавшись, рассеянно смотрела на голубое небо. Тёплый ветерок перелистывал глянцевые страницы и слегка шевелил длинные тёмно-каштановые волосы, свободно лежащие на плечах. В карих глазах царила задумчивость. Резкий звук с улицы внезапно прервал этот момент. Выглянув вниз, Анна заметила громко тарахтящий мотороллер, причём казалось, чем больше он тарахтел, тем медленнее ехал. Улыбнувшись, молодая итальянка откинула задумчивость, встала с кресла, зашла в комнату и через минуту стояла перед гардеробом, решая, что же надеть.

Ещё через некоторое время она вышла из дома, облачённая в светлые брюки и майку, которую Дима называл странным словом «телиниашка». Волосы также свободно ниспадали на плечи и спину. Невысокая, но стройная, она выглядела замечательно. Надев солнцезащитные очки и оглядевшись по сторонам, Анна весело зашагала по улице.

Через полчаса Дима вышел из подъезда. Утром было свежо, и он слегка поёживался в одной рубашке, но, зная, что через пару часов потеплеет, не стал брать куртку или свитер. В руке болтался небольшой саквояж, собранный ещё накануне вечером, после работы Дима улетал в Италию.

Пройдя через обычный московский дворик, заставленный машинами, молодой человек зашагал к метро. Машина осталась на стоянке, ехать на ней в аэропорт и оставлять её там на несколько дней было бессмысленно. Вещей он собрал немного, потому что улетал только на выходные, напряжённый график работы не позволял пропустить ни дня, а до отпуски оставалось полтора месяца.

Дима жил в доме не новом, но и не совсем старом, не на окраине, не в центре, а где-то посередине, хотя с московскими расстояниями сложно понять, где кончается центр и начинается окраина. Район, однако, был зелёный, двор не очень шумный, квартира не очень большая, но всё это очень устраивало Диму. Вокруг дома было, где погулять и даже покататься на велосипеде, за окнами, а они выходили во

двор, редко что нарушало тишину, и даже шум автомобилей с недалёкого проспекта не проникал сюда, а молодому неженатому человеку и не нужна огромная квартира. Работа тоже полностью устраивала, давая удовольствие от процесса и стабильный доход. В общем, Дима соответствовал всем меркам молодого успешного человека.

В последние дни в городе прочно обосновалось бабье лето. Тепло, но не жарко, солнце периодически скрывалось за облаками, но, выглядывая, светило по-прежнему ярко и весело, лёгкий ветерок шевелил листья на деревьях, не поднимая в воздух тучи пыли.

Молодой человек неторопливо шёл к метро. Среднего роста и комплекции, светлые русые волосы, голубые глаза, скрытые сейчас за тёмными стёклами очков.

Вскоре Дима спустился под землю, через полчаса вынырнул из метро на поверхность в другой части города, и спустя десять минут прогулочным шагом, зашёл в здание офиса.

До центра Рима рукой подать, и Анна направилась именно туда бродить по извитым улочкам, заходя в небольшие магазинчики. Она мерила понравившуюся одежду, прикидывая, во что одеться для сегодняшней поездки в аэропорт на встречу с Димой, такую неприятную, но необходимую. Узнав, что он прилетит сегодня, Анна даже обрадовалась, не стоило больше тянуть с разговором, продлевая неопределённость в отношениях. Да и таких отношений, честно говоря,

больше не хотелось.

Дима прилетал в Рим в основном в командировки, иногда длительные, иногда не очень, но всё равно случавшиеся не чаще одного раза в два или три месяца, и непонятно было, хочет ли он видеть её или просто заполняет свиданиями с ней промежутки между деловыми встречами. Раза два или три за всё время их общения они ездили вместе отпуск, а однажды Анна даже летала в далёкую Россию. Время, проведённое в Москве, прошло как-то сумбурно и совсем незаметно. Она осталась недовольна этой поездкой. А больше Дима не звал, да и сама она не стремилась покидать родную страну.

Анна понимала, что так не может продолжаться вечно. Хотелось какой-то определённости, ясности, решительных действий со стороны молодого человека, а его, казалось, всё устраивает в такой непонятной жизни, разделённой между двумя странами. Телефон не в счёт, телефон не заменит живого общения.

Они встретились в кафе. Как-то внезапно и очень незаметно заговорили, а потом так же незаметно провели ту двухнедельную Димину командировку вместе, гуляя по городу и общаясь, благо он хорошо владел итальянским. Ещё через две недели после отъезда он прилетел на выходные. Это было необычно, а потому притягательно и романтично. Молодой человек из далёкой страны. Казалось, периодические разлуки только укрепят отношения. Так казалось вна-

чале. Потом что-то изменилось. Или так казалось Анне, что изменилось. Или получившиеся отношения, всё-таки, были не тем, чего она ждала и желала. Она запуталась. А Дима, прилетая на несколько дней, не замечал перемен или не хотел замечать. Поначалу беспокойство отступало. Но чем ближе был его отъезд, тем меньше становилось радости. А иногда они даже ссорились. Анна порывалась рассказать Диме о своих беспокойствах, но что-то всегда удерживало её, какая-то рассеянность, а иногда и невнимательность с его стороны, будто он наслаждался сегодняшним днём, не задумываясь о завтрашнем и тем более послезавтрашнем. Но нельзя же не думать о каком-то продолжении, встречаясь уже около трёх лет. «Если он не может понять, что я чувствую, надо ли нам дальше встречаться? Приезжает он ко мне или на свои дурацкие встречи? Любит ли он меня, в конце концов, относясь ко мне так непонятно и странно?», – и ещё множество вопросов теснилось в её голове. А потом она поняла, что поводов для печали в этих отношениях стало гораздо больше, нежели источников радости. И приняла своё решение.

Если не вдаваться в подробности, Дима часто летал в Италию в командировки, консультировать европейских коллег по продукции, изготавливаемой и продаваемой Диминой компанией. Три года назад, только в начале этой своей работы, он прилетел в Италию. Впервые оказавшийся в Риме молодой человек решил познакомиться с городом. После днев-

ных переговоров Дима переоделся и отправился гулять. Гулял долго, немножко заблудился, но в итоге нашёл путь к гостинице и, переполненный впечатлениями, решил поужинать в небольшом кафе рядом с отелем.

В кафе как-то незаметно и очень удивительно для него самого завязался разговор с девушкой, сидевшей за соседним столиком. То ли она попросила меню, то ли он – соли, но знакомство состоялось. Девушку звали Анной. Проболтав весь вечер, договорились встретиться на следующий день, который растянулся на две недели непрерывного общения, до самого Диминого отлёта в Москву. А ещё через две недели Дима внезапно, ничего не сказав Анне, прилетел в Рим. Она была поражена этим сюрпризом. Ещё целых два невероятно солнечных и тёплых дня они провели вместе.

Дальше дела обстояли немного хуже. Летать в Италию каждые выходные, естественно, не было никакой возможности, также как у Анны – летать в Москву. Дима жутко скучал, постоянно звонил в Рим, оплачивая потом огромные телефонные счета. А следующая командировка случилась только через два месяца. Причём график был настолько плотным, что на общение с любимой осталось совсем мало времени.

За три года они несколько раз съездили в отпуск вместе, и один раз Анна прилетела к нему в Москву. Но здесь ей не очень понравилось, как понял Дима.

Длительные перерывы, короткие нечастые свидания, всё это переносилось очень тяжело. Вначале, конечно, было за-

бавно и романтично ждать встречи, долго к ней готовиться. Но постепенно что-то изменилось. Дима понимал, что любимая устала от постоянных расставаний и мимолётных встреч и ждёт от него каких-то действий, влекущих к дальнейшему развитию отношений. Оставаться уже три года на одном уровне становилось невозможно. Даже в краткие свидания, они умудрялись ссориться в последнее время. А Дима, понимая все эти проблемы, не знал, что делать дальше. Разные страны, разные люди, разные привычки, разные подходы к жизни. Несмотря на все чувства, что-то могло не сойтись, и что тогда? Сменить страну – это не переехать в соседний дом или даже в соседний город. Это прерывание всех связей – друзья, родственники. И кто куда должен ехать? Он в Италию? Она в Россию? Огромное множество разных «если», а одного необходимого верного решения не находилось. И сейчас наступал такой момент, когда решения нужно было уже не ждать, его следовало принимать одним волевым усилием.

И возможных вариантов виделось всего два – расстаться, поняв, что даже при наличии чувств, отношения зашли в тупик, принося обоим лишь расстройство и лишая покоя, либо делать следующий шаг, а значит, кому-то следовало переезжать. Конечно, Анна не торопила его, понимая всю сложность ситуации, но воспитанная в традиционной южной семье, оставляла на него принятие этого решения.

И вот, когда казалось, что размышления зашли в тупик,

однажды утром Дима проснулся с отчётливым пониманием того, что надо делать, а главное, с ясной убеждённостью в правильности принятого им решения.

Выйдя из магазина, Анна посмотрела на часы. Время поездки в аэропорт приближалось, но торопиться не стоило. Она не спеша пошла вверх по улице в направлении к дому. Как же так получилось всё? Куда пропала лёгкость отношений?

О том, что он прилетает сегодня, Дима не сообщил. Анна узнала об этом совершенно случайно, встретив на улице Диминого коллегу, очень отдалённо ей знакомого. Таких сюрпризов он не преподносил давно, но теперь всё усложнялось ещё больше. Она, даже поняв, что не хочет больше видеться с Димой, надеялась в глубине души, что он прилетит к ней сказать те самые заветные слова, нетерпеливо ожидаемые уже очень много времени. Вот только Дима опоздал. Совсем немного, но опоздал. Эти слова ничего не решат. Не изменят принятого ей решения.

Анна задумала преподнести гостю свой сюрприз и встретить его в аэропорту.

Как замечательно выглядела девушка в этом платье. Длинное, яркое, переполненное цветом и движением, оно подошло идеально. Надев его, Анна осталась довольна своим отражением в зеркале. Она вся светилась, будто солнечный лучик блуждал по её лицу, отражаясь то в задумчивых глазах

весёлыми искорками, то на губах мимолётной милой улыбкой или румянцем на смуглых щёчках. Девушка отринула от себя все проблемы и теперь словно хотела наверстать упущенное в постоянных раздумьях и невесёлых мыслях лето.

Дима закончил работать пораньше, как это обычно случилось по пятницам. До отлёта ему предстояло важное дело, ради которого и затевалась сегодняшняя поездка.

Заказ был готов ещё в начале недели, но заваленный внезапно появившейся работой, Дима никак не мог его забрать – знакомый ювелир делал на заказ кольцо для Анны. Сегодня ждать уже не приходилось, да и времени оставалось исключительно, чтобы встретиться со знакомым, добраться до вокзала, а оттуда на электричке в аэропорт.

В пути прежние мысли не давали покоя, однако теперь они не беспокоили, скорее в голове начинал выстраиваться план дальнейших жизненных перемен, которые, тем не менее, ещё следовало обсудить с любимой. А потом внезапно появилась мысль, не приходившая в голову до этого момента ни разу, вдруг она скажет нет... Но свалив подобные сомнения на перегруженность мыслительного процесса в последнее время, Дима начал представлять, как всё пройдёт.

Он специально ничего не сказал Анне о своём приезде, намереваясь сделать сюрприз, какую-то романтическую неожиданность, которые так нравились его девушке и которые в последнее время случались всё реже и реже. Ди-

ма представлял её удивлённое лицо, когда она увидит его, потом ещё более удивлённое, когда услышит и поговорит с ним, а уже потом её милую улыбку, радостные глаза с зажегшимися в них солнечными лучиками и нежный румянец на щеках.

Анна приехала в аэропорт как раз, когда объявили посадку рейса из Москвы.

Полёт прошёл хорошо, Диме даже удалось вздремнуть. Самолёт сел точно по расписанию, без задержек. Пограничный контроль и обычные процедуры не заняли много времени.

Смешавшись с толпой встречающих, Анна остановилась чуть в стороне, однако держа в поле зрения выходящих пассажиров. Она заметно волновалась, лихорадочно размышляя, как лучше повести себя с Димой, всё ещё не показывавшимся в зале прилёта. Все слова, фразы, заготовленные заранее, куда-то исчезли, и Анна начала придумывать их заново, но получалось как-то глупо, неубедительно.

Реакция Димы, не то что страшила, его было жалко, особенно нынешнего, летевшего к ней с сюрпризом и не ожидавшего планируемого девушкой поворота событий. Всё-таки не совсем чужой человек, хотя именно таким он станет через какое-то время.

Дима появился неожиданно. В одной руке он держал ручку чемодана, катившегося позади, а в другую была мягко и нежно вложена рука высокой блондинки, льнущей к молодому человеку. Он что-то, улыбаясь, говорил, склонившись к её уху. Она смеялась в ответ. Потом оба остановились, и девушка, явно дурачась, подпрыгнула и поцеловала Диму. Взявшись за руки, они двинулись по залу.

Анна проводила пару взглядом, резко развернулась и быстро пошла к выходу. На душе было спокойно.

Дима вышел в зал прилёта и на всякий случай посмотрел по сторонам. Конечно, его никто не встречал. Выходя из аэропорта и направляясь к стоянке такси, он достал телефон и набрал смс: «Ti hanno in un'ora. Non essere sorpreso, proprio sorriso!⁵»

Анна и Дима больше не виделись. На его звонки она не отвечала, и через пару недель звонки прекратились.

Дима сделал Анне предложение тем же вечером. Через полгода они поженились. Дима переехал в Рим.

2010

⁵ «Я буду у тебя через час. Не удивляйся, просто улыбнись!» (ит.)

Море

«Сколько бы ни смотреть на море – оно никогда не надоест. Оно всегда разное, новое, невиданное.

Оно меняется на глазах каждый час».
Валентин Катаев. «Белеет парус одинокий»

«Старик же постоянно думал о море как о женщине, которая дарит великие милости или отказывает в них, а если и позволяет себе необдуманные или недобрые поступки, – что поделаешь, такова уж её природа».

Эрнест Хемингуэй. «Старик и море»

«Пойми, на небесах только и говорят, что о море. Как оно бесконечно прекрасно... О закате, который они видели... О том как солнце, погружаясь в волны, становится алым как кровь. И почувствовали, что море впитало энергию светила в себя, и солнце было укрощено, и огонь уже догорал в глубине».

К/ф «Достучаться до небес»

Я очень хотел написать рассказ про море. То есть не именно про море, может быть, про путешествия, а может, про дружбу или любовь. Но этот рассказ, обязательно заканчивался бы сценой, где герой вечером приходит на берег моря, такого тёплого летнего моря, и садится, подставив ноги набегающей волне. И сидит так, погружённый в свои мыс-

ли, наблюдая, как солнце медленно опускается за горизонт. Лёгкий свежий ветерок шевелит волосы на его голове, играет складками его рубашки, а мысли у него очень добрые и отрешённые. То есть герой рассказа не должен думать о своих проблемах или о том, как прошёл день. Нет, он должен смотреть вдаль и размышлять о чём-нибудь.

Только вот, я никак не мог решить о чём.

У меня родилось замечательное название – «Море» и концовка рассказа. А сам замысел никак не появлялся, пока внезапно я не понял, что он изначально был неверен. Ну, не то чтобы неверен, просто в голову пришёл совершенно другой.

А оказалось всё очень просто. Нужно было сесть на берегу моря и думать о... море. И важнее здесь становились не события дня, а сами мысли. Вот так уже придуманный мной конец рассказа становился его началом.

То есть рассказ должен быть примерно таким.

Летний день подходил к концу. Это чувствовалось даже не по сумеркам, слегка притушившим яркие краски южного дня, а скорее, по свежести, уже доносившейся с моря. В такой час спавшей жары принято выходить на прогулку, причём на прогулку не по историческим местам или музеям, да они и закрыты уже к этому времени, а прогулку без цели. Медленно пройти по набережным, полюбоваться закатом, вдохнуть свежего вечернего воздуха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.